

МАРАТ ШАФИЕВ

Низами, «Сокровищница тайн», Ахи, алхимия души, древняя астрономия и медицина, и прочее или Фазан, умирающий от запаха кипариса

Посвящается Дж. Дж.

Это не литературоведческая работа, я не специалист по литературе Средних веков. Но поэтические озарения постоянно подпитывают науку. Ретроспектива событий представляется мне таковой.

1178 год – Низами тридцать семь лет. Правоверный мусульманин – он знаток Корана и хадисов, а также Библии и апокрифических текстов (Иисус и мёртвая собака; Иисус-красильщик; Рабия и умирающая в пустыне собака; Хызр и Моисей; Харут и Зухра; «Чиханье Адама – к Мессии дойдёт» – когда Бог вдохнул в глину, новорожденный Адам чихнул, а Гавриил сохранил чих в рукаве Марии, отчего она забеременела); в совершенстве владеет языками: азербайджано-тюркским, арабским, фарси; постоянный посетитель большой городской библиотеки – «Дар аль-Кутуб»: изучает фольклорные и исторические источники (в том числе тюркский эпос «Китаби-Деде Горгуд», евклидову геометрию и «Сочинение, или Математическая система» Птолемея Клавдия, богато иллюстрированную рисунками небесных тел. В пятой главе (всё той же будущей «Сокровищницы тайн») оперирует сложной системой образов: Пророк выпустил из созвездия Лука стрелу – Меркурия и выбил яд из тела козлёнка (Козерога), который лежал на ядовитой скатерти Сатурна. Из описания звёздного неба можно вычислить и дату Вознесения – начало весны: Солнце находилось в созвездии Водолея, голова Рыбы склонена к Водолею.

Несколько медицинских рецептов от Низами: приход Близнецов (22 мая – 22 июня) сопровождается сильными ветрами, и этот сезон благоприятен для кровопускания. Сумасшествие – следствие охлаждения мозга. В тучном, холодном теле не остаётся места для духа. Эпилептиков держат в темноте, ибо свет усиливает болезнь. От чёрной меланхолии спасает «муфаррих» – снадобье толчёного рубина и жемчуга. Страсть умеряют камфорой. Орех используется как жаропонижающее. Сжигая тростник, получают магнезию, утоляющую жажду. Желтуху лечат уксусом. Из сока незрелого винограда делают тутню – мазь, улучшающую зрение. Бельмо удаляют жасмином, а настойка тимьяна – противоядие от укуса скорпиона.

И наука всех наук – алхимия. Аллах «с презренного золота – стыд его смысл», и цель алхимика (приставка «ал», явно указывающая на арабское происхождение) дерзновенно повторить этот эксперимент: превратить с помощью философского камня «обыкновенные» металлы в «благородное» золото («лишь камень философов – медь золотит»). Низами известно, что золото тянется к ртути, а ртуть избегает золота. Символ алхимии – змея (Дракон): «Ночная змея моя дала мне солнечный шарик». В голове змеи содержится небольшой шарик, у проглотившего его – исполняется желание. Золото важно не само по себе: «Лишь цель придаёт ему ценности знак, Без цели – что золото, то и мышьяк» (мышьяк – песок золотистого цвета).

Низами подобен энциклопедии, чего только мы не узнаем от него о быте, нравах, суеверии средневековых гянджинцев! Медным грохотом спасали Луну при затмении, на свадьбах на головы новобрачных сыпали леденцы и золотые монеты. Птица счастья Хумай (Феникс) благородна тем, что никого не обижает и довольству-

ется лишь обглоданной костью. Сова приносит несчастье, но стережёт клады, спрятанные в развалинах. Колдуны, чтобы приворожить девушку, чертили имя на подкове и бросали её в огонь. Зубы чистили толчёным ивовым углём. Старая змея питается прахом, ядовитая змея слепнет при виде изумруда, а бирюза образуется из костей умерших от любви. Фазан умирает от запаха кипариса. Лев оставляет слюну и прячется; пришедший на водопой олень, чую слюну, стоит как прикованный. Чтобы алёз горело, его смешивают с сахаром. В недрах гор живёт зловредная старуха, которая всегда отзывается эхом, чтобы сбить с дороги путника.

Низами пробует писать газели. И вчитывается (восхищаясь и ревнуя?) во все доступные диваны. В «Сокровищнице...» упомянет героев «Шах-намэ» Фирдоуси: Джамшида, Заххака, Кай-Хосрова, Фаридуна, Сама и Заля. Но кого поставит в один ряд с собой? «И жребий упал – на имя твоё. Двух славных поэтов – две книги на суд, И обе печать Бахрамшахов несут». Санаи (дата смерти колеблется от 1126 до 1193 г.) своё мистическое сочинение «Сад истин» посвятил Бахрам-шаху Газнеvidу, а Низами – сельджуку Фахр-Эддин Бахрам-шаху. Между прочим, муршид Санаи – Мухаммад бин Мансур являлся также духовником Омара Хайама. (Учитель сразу двух великих поэтов – несомненно, и сам поэт; не бывает ученика превыше учителя?)

Низами напичкан бесполезной информацией, сейчас он больше всего нуждается в тихой скамеечке. В максуре – потайном помещении мечети – «сделав ногу из головы, а голову из ног», став по виду мячом и крючком чоугана (клюшка для игры в конное поло), совершает он медиативное путешествие внутри самого себя. Он видит семь халифов (семь органов) (и семь дурных качеств человеческой природы!), но и красный всадник – печень, и богатырь в рубиновом кафтане (лёгкие), и печальный отрок, разведчик на охоте – желчный пузырь, и чёрный раб, пожирающий помои, – селезёнка, и арканщик, строящий засаду, – желудок с кишечником, и один меднотелый с панцирем из серебра – почка, все они – рассеянные мотыльки вокруг Сердца. Но это не то сердце – «сгусток воды и глины», а Сердце сердца: «Для горя сердца найди Сердце, утешающее горе». И Сердце сказала языком: «О бессловесный, ты оставь это гнездо (тела) и ищи птицу (дух). «Господин взял меня за руки и направился в какой-то сад». Аромат амбры – галин, которым благоухает рай, был слаб по сравнению с благоуханием этого сада, откуда не хотелось возвращаться.

О втором уединении Низами рассказывает как о ночном веселии: «Вельможный господин (мой) однажды ночью, влекомый (чувством) родства, Провёл несколько мгновений с двумя-тремя сородичами» – «То, что человеку удаётся получить за всю жизнь, дарилось другу в одно мгновение». Музыкантшей на том пиру выступила сама Зухра (Венера). Подставка, в котором стояла свеча, от вина (пламени свечи) захмелела, а мотылёк, кружившийся вокруг, совсем опьянел. Петух жарился на вертеле, чтобы не смог сообщить о наступлении утра. Кудри пери стали ошейником безумных. Поцелуи Возлюбленной, подобно вину, опьяняли, и удостоившиеся поцелуя тут же падали, опьянённые, но аромат её губ, подобно дыханию Масиха (Мессии), возвращал к жизни. Ворот гурии подобной красавицы расстегнулся; увидев обнажившуюся грудь (белую, как утро), пирующие обезумели. У свободных (по-персидски «азадеган» – благородные, великодушные, благородного происхождения) от веселья рты были так сомкнуты (наполнены) смехом, что было трудно даже вздохнуть.

В ночь Предопределения («Такой светлой, словно солнце, ночи Ищу я неустанно, но не могу найти даже во сне. Кроме той ночи, у меня не было веселей радости... С тех пор все ночи я молюсь: «Господи, господи!» Чтобы ещё раз (я) увидел ту блестящую ночь») случилось главное – Низами не просто настигла судьба (обдуман план первой поэмы; отныне он не хаким, не лекарь, не алхимик, он – поэт: «Мы – крик к Тебе, о – отзовись на крик!», хатир – кричащий) (автор будущей «Пятерницы»!), но, медитируя, он достигает своего глубинного течения и находит ответ на волновавшие его вопросы – термин «йакин» в классической теософии, так же, как в

учении суфиев, обозначает «достоверное познание Бога, уверенность в познании». Одна ночь свидания с Ним стоит жизни Вселенной.

Видения Низами – типичный пример изображения суфийских радений. Взаимоотношения с Сердцем («Убедившись, что не избежать подвижничества, Начал я учиться у этого господина подвижничеству») вполне соответствуют взаимоотношениям муршида и мюрида в суфийской практике. И не есть ли максура мечети – аллегория суфизма, который есть святая святых, сердцевина ислама? Тем более Низами говорит о своей книге: «Окраска её не совпадает с теми цветами, которые существуют, (Язык) её не совпадает с теми языками, которые существуют».

По сведениям Даулатшаха Самарканди («Тазкираташ-шуара», «Жизнеописание поэтов», 1487), наставник Низами – Ахи Фарадж Занджани. «Ахи» в имени отсылает нас к союзу ремесленников – Ахи. Вот и в «Сокровищнице...» проходят персонажи различных профессий. Низами пытается увещать царей, говоря о единстве человеческой сущности: «Убери руки с головы обездоленных – оставь в покое обездоленных, Перестань творить насилие над ними», о себе же заявляет: «Я горд и счастлив, что меня не тяготит, как тебя, ни власть, ни богатства И, довольствуясь малым, живу трудом своих рук».

В суфийской традиции так происходит постоянно – от могучего ствола отпочковываются новые зелёные побеги. И если соединить в цепь: Ахи, Низами, хуруфиты, Наими и Насими, Сефевидское государство (сокрушившее Ширваншахов, покорившее Персию и Хорасан), то надо признать, что работа оказалась не напрасной, а её последствия (плоды) для мировой истории – значительными.

Подражание Низами

**О, Создатель всего бытия!
Из глины я вышел – Воля Твоя!
В небытие Ты меня отыскал,
зачем же себя я в себе не сыскал?
Ты знаешь начало, видишь конец,
к чему я назначен – скажи, наконец.
«Алиф» вертикали, окружности «мим» –
неужто, и вправду соперничал с Ним?
Вселенная малая в повести есть,
но звёздную книгу кто может прочесть?
Страдают герои, вьётся сюжет,
но обрывается в некий момент.
Не страшно, не страшно – блестит за окном
и дышит прохладой земной окоём;
под тяжестью яблок трещит ночной сад,
и дарит желанья густой звездопад.
Господи, благодарю за Добро,
не выпадает из рук пусть Перо,
чтобы не ухнули наши миры
в бездну забвенья чёрной дыры.
А я подсоблю, чем я только могу.
...Я жирною глиной лёг на лугу.**